

«СВОБОДНЫХ КВАРТИР СОВЕРШЕННО НЕТ»: ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА КУРГАНА В МЕЖВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТΙΑ ХХ В.

Кладова Ксения Юрьевна

Курганский государственный университет,
Курган, Россия
ks-klad@mail.ru

Аннотация. Анализ исторических источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, позволяет выявить особенности развития жилищного вопроса в малом провинциальном городе Кургане. Жилищный голод охватил Курган несколько позднее, чем столицы – в середине 1920-х гг., в связи с началом притока сельских жителей. В условиях роста городского населения принимаются экономические меры ослабления квартирного кризиса: поощрение индивидуального строительства, жилищной кооперации и частного найма жилплощади. При этом государство регулирует квартплату по признакам жилищных удобств и платежеспособности населения, ужесточает воздействие на «нетрудовой элемент». Местный бюджет не располагал средствами на жилищное строительство, примеры возведения ведомственного жилья в Кургане также были единичными. В 1920–1930-х гг. Курган рос за счет частной застройки – деревянных рубленых домов небольшой площади. В период коллективизации и раскулачивания в Курган двинулось значительное количество сельских жителей, беднейшая часть которых селилась в землянках на окраинах. Обычным явлением становится покомнатное распределение семей. Курганские коммунальные квартиры отличались от «классических» ленинградских, как и их жильцы – выходцы из сельской местности, привыкшие быть «на виду» у коллектива. Отсутствие личного пространства и бытовых удобств на протяжении всего рассматриваемого периода оставались повседневными реалиями большинства советских граждан. Не стал исключением и г. Курган.

Ключевые слова: советская повседневность, жилищная политика, жилищный кризис, жилищная кооперация, муниципализация жилого фонда, демуниципализация жилья, частная застройка.

“NO FREE APARTMENTS AT ALL”: HOUSING CONDITIONS OF RESIDENTS OF KURGAN DURING INTERWAR DECADES OF 20TH CENTURY

Kladova Kseniia Yu.

Kurgan State University,
Kurgan, Russia
ks-klad@mail.ru

Abstract. The analysis of historical sources allows us to reveal the peculiarities of the housing development in the provincial town of Kurgan. A significant part of these sources is being introduced into scientific discourse for the first time. Housing deficit reached Kurgan a bit later than the center regions, in the mid-1920s due to the arrival of rural residents. The growth of the urban population lead to the economic measures to mitigate the housing crisis: encouragement of individual construction, housing cooperatives and private renting. At the same time, the state regulated housing costs according to housing conveniences and population paying capacity. In addition, the state tightened measures of influence on the “non-working elements”. The local budget did not have funds for housing construction. The examples of the construction of department housing in Kurgan were also rare. In the 1920–1930s Kurgan grew as a result of constructing private houses – wooden log houses of small floor space. During the period of collectivization and “dekulakization”, a significant number of rural residents moved to Kurgan, the poorest settled in dugouts in the suburbs. Flat sharing by different families became common. Kurgan communal apartments differed from the “classic” Leningrad ones. So did their tenants, people from the countryside, accustomed to being in the public eye. Lack of personal space and conveniences remained daily realities of most Soviet citizens. The city of Kurgan was no exception.

Keywords: Soviet daily life, housing policy, housing crisis, housing cooperation, municipalization of housing fund, housing demunicipalization, private housing development.

Цитирование: Кладова К.Ю. «Свободных квартир совершенно нет»: жилищные условия жителей города Кургана в межвоенные десятилетия XX в. // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 22–37. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-22-37 / Kladova K.Yu. “No Free Apartments at All”: Housing Conditions of Residents of Kurgan During Interwar Decades of 20th Century, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No. 4. Pp. 22–37. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-22-37.

© Кладова К.Ю., 2021

В начале 1920-х гг. молодое советское государство столкнулось с необходимостью преодоления жилищно-коммунальной разрухи, охватившей городское хозяйство страны в ходе революционных потрясений и Гражданской войны. Кроме того, власть провозгласила новый, классовый, подход к распределению жилья в городах. По словам Н.Б. Лебиной, «фундаментом реалий жилищной политики большевиков стала идея справедливого распределения материальных благ, в число которых входила и недвижимость» [Лебина, 2015, с. 90].

Современная российская и зарубежная историография характеризуется комплексным подходом к рассмотрению такого сложного феномена раннесоветской действительности, как квартирный вопрос. Исследователи изучают идеологические и экономические принципы жилищной политики советской власти, анализируют конкретные данные о состоянии жилого фонда, обеспеченности жилой площадью на одного человека, а также исследуют общественные механизмы приспособления к суровым бытовым условиям.

Жилищная политика советской власти — центральная тема исследований М.Г. Мееровича, пришедшего к выводу о мощном целенаправленном воздействии такого властного инструмента, как жилье, на распределение трудовых переселенческих потоков и регулирование поведения советских граждан [Меерович, 2004; 2008; 2014]. Развитию советского ЖКХ в целом посвящены работы И.Б. Орлова, в которых автор выделяет специфические черты советского ЖКХ межвоенного периода, такие как централизация строительных программ и остаточный принцип финансирования, курс на современную городскую инфраструктуру при ухудшении экологии, приоритет столичных городов и крупных промышленных центров в ущерб малым городам, бюрократизация и общественные инициативы, острый жилищный кризис [Орлов, 2014, с. 78]. Кроме того, И.Б. Орловым рассмотрена коммунальная квартира как место формирования советской повседневности, механизм адаптации сельского населения к городской культурной среде, при этом отмечено, что коммунальное жилье не выполняло важной функции городского жилища — защиты приватной сферы, препятствуя формированию автономного индивида, и тем самым урбанизации [Орлов, 2010]. Американский исследователь Ш. Фицпатрик, обращаясь к исследованию советского коммунального быта, подчеркнула, что атмосфера коммунальной квартиры отнюдь не способствовала торжеству коллективизма, напротив, порождала у жильцов враждебность, зависть и прочие негативные чувства [Фицпатрик, 2008]. Отсутствие связи между идеалом социалистического быта и реалиями коммунальной квартиры отмечает российский историк Н.Б. Лебина, подчеркивая идеологическую функцию жилья как механизма воспитания новой советской ментальности [Лебина, 2015, с. 118].

Столицы, малые и большие провинциальные города, новые индустриальные центры — все они имели разную степень остроты жилищного вопроса и специфику его решения. На материалах Поволжья развитие городской сферы ЖКХ межвоенного периода рассмотрено В.А. Чолахян [Чолахян, 2009], исследованию этого вопроса в Горном Алтае посвящена работа Т.В. Захаровой [Захарова, 2011], жилищные условия жителей малого провинциального города Верхнеудинска анализируют С.В. Кириченко и А.М. Иминохоев [Кириченко, Иминохоев, 2018], зарождение ограничительного

жилищного законодательства на территории бывшей Российской империи во время Гражданской войны изучено К.А. Холодилиным [Холодилин, 2019]. На региональном материале авторы констатируют снижение количества жилплощади на одного человека в связи с ростом городского населения и называют жилье одним из главных рычагов властного регулирования. В то же время отмечено внимание центральной власти к развитию новых индустриальных городов, каким был, к примеру, Сталинград – центр тракторостроения, где велось жилищно-коммунальное строительство, хотя и значительно отстававшее от темпов прироста городского населения и индустриализации в целом [Чолахян, 2009].

Курганская историография квартирного вопроса 1920-х гг. представлена прежде всего работами Е.В. Тершуковой [Тершукова, 2010; 2014; 2020; Козельчук, Тершукова, 2012], пришедшей к выводу о том, что Курган в 1920–1930-х гг. не смог выйти из ситуации жилищного кризиса, градостроительное развитие шло крайне медленно в связи с дефицитом финансовых, материальных и кадровых ресурсов.

Источниковую базу исследования составляют документы трех государственных архивов городов Кургана и Челябинска, материалы Курганского областного краеведческого музея, публикации местной газеты «Красный Курган» за 1920–1930-е гг., мемуары из частных коллекций и устные воспоминания рожденных в 1920-е гг. жителей Кургана, собранные автором. Значительная часть используемых источников вводится в научный оборот впервые, а привлечение эго-документов и устных воспоминаний позволяет всесторонне осветить жилищные условия жителей малого провинциального города. Под «жилищными условиями» историки повседневности понимают совокупность показателей, включающих жилую площадь на человека, состояние домов и уровень их благоустройства, обеспеченность коммунальными удобствами [Чолахян, 2009, с. 64].

Город Курган на момент окончательного установления здесь советской власти в августе 1919 г. представлял собой слабоблагоустроенное поселение: большая часть дорог и тротуаров, даже в центре, оставались немощеными; освещением была охвачена только часть центральных улиц, при этом электричество подавалось с перебоями ввиду перегруженности единственной городской электростанции; отсутствовали центральный водопровод и общественный транспорт. Городская жилая застройка состояла из одно-двухэтажных деревянных, полукаменных и каменных домов с приусадебными территориями, включающими огороды, сараи для скота и другие хозяйственные постройки.

Городские строения, оказавшись в распоряжении новой власти в связи с отменой частной собственности на недвижимость, заселяются согласно политическому курсу на улучшение жилищных условий трудящихся. В Кургане на 1 января 1922 г. числилось 521 целое и обитаемое муниципализированное владение и 42 необитаемых [ГАКО, ф. Р-158, оп. 1, д. 69, л. 1]. Однако денег на содержание полученного жилфонда и тем более на новое строительство у местных властей не было. Неудивительно, что через год количество «целых и обитаемых» муниципализированных домов сократилось до 438, необитаемых до 36 [ГАКО, ф. Р-158, оп. 1, д. 69, л. 1]. Следует учесть, что 1921–1922 гг. стали для жителей Кургана временем голода, следствием которого

стало резкое сокращение численности населения и обесценивание жилья. Так, за мешок зерноотходов вынуждена была продать свой дом жительница Кургана, лишившаяся мужа-кормильца [Подкорытова. Воспоминания]. Курганское население в первой половине 1920-х гг. сократилось с 27 739 чел. в 1920 г. до 22 119 чел. в 1924 г. [ГАКО, ф. Р-712, оп. 1, д. 524, л. 1].

С началом нэпа в области жилищной политики власть обратилась к демуниципализации жилфонда на условиях проведения владельцами необходимого ремонта (демуниципализированных домов в 1922 г. в Кургане насчитывалось 140) [ГАКО, ф. Р-158, оп. 1, д. 69, л. 1], а также к поощрению индивидуального строительства. По словам Е.В. Тершуковой, «в курганский горкомхоз посыпались ходатайства бывших хозяев... И некоторым это удалось... Кто-то получил возможность улучшить свои жилищные условия, а кто-то, наоборот, оказался, в прямом смысле, на задворках родной усадьбы» [Тершукова, 2020, с. 17].

Индивидуальное жилищное строительство, реализуемое по декрету ВЦИК и СНК РСФСР «О праве застройки земельных участков» от 10 августа 1922 г. [Декрет, 1922], развивалось на городских окраинах и в новых разбитых кварталах и представляло собой постройку домов на 1–2 квартиры с небольшой жилой площадью: в 1925–1926 гг. построено 104 дома (4 600 кв. м), в 1926–1927 гг. – 193 дома (8 520 кв. м), в 1927–1928 гг. – 215 домов (6 880 кв. м) [ГАСПИКО, ф. 10, оп. 1, д. 364, л. 13–14]. Таким образом, в 1926–1928 гг. в Кургане наблюдается рост количества построенных индивидуальных домов при снижении средней жилой площади каждого с 44 до 32 кв. м, что можно объяснить в том числе ответом общества на политику принудительного «уплотнения» и «самоуплотнения», проводимой большевиками в периоды особой остроты жилищного кризиса. Так, в Кургане в 1926–1928 гг. в ходе практики отчисления 10% площади частновладельческих домов было отчислено в 51 домовладении 592,46 кв. м, на которые вселена 51 семья [ГАСПИКО, ф. 10, оп. 1, д. 364, л. 13–13об.]. Исследователь жилищной политики М.Г. Меерович подчеркивает, что «частное домовладение подчинялось тем же обязанностям, что и все прочие типы жилищно-домовой организации» [Меерович, 2008, с. 218].

С середины 1920-х гг. идет увеличение численности городского населения, и Курган, как другие советские города, оказался в условиях жилищного голода. «Свободных квартир совершенно нет», – сообщает газета [Красный Курган, 1924, 13 сентября]. Власть пытается смягчить остроту кризиса путем освобождения коммунальных домов от «нетрудового элемента», подчеркивает классовый подход к распределению жилья. «В данное время всех коммунальных домов состоит на учете 552, – информирует «Красный Курган» в сентябре 1924 г. – Половина всех домов сдана в аренду рабочим, 35% служащим, 10% ремесленникам и кустарям и лишь 5% – нетрудовому элементу» [Красный Курган, 1924, 13 сентября]. Не случайно на собрании делегатов ячейки ВКП(б) женщины спрашивали сотрудника горкомхоза о том, «почему торговцы живут в домах Комхоза» [ГАСПИКО, ф. 121, оп. 1, д. 72, л. 4].

Одним из экономических способов решения жилищной проблемы в советских городах стала жилищная кооперация. К концу августа 1925 г. в Кургане в

жилищно-кооперативное товарищество записалось 103 человека [Красный Курган, 1925, 27 августа]. Ремонт домов ЖАКТов обеспечивался членскими взносами и квартирной платой, что было выгодно горкомхозу в ситуации катастрофической нехватки средств. В 1927 г., в ответ на массовые жалобы населения, заведующий Курганским горкомхозом через газету сообщал, что в целях разрешения квартирного вопроса «все дома жилищного фонда могут быть переданы в аренду жилищной кооперации или коллективам жильцов. За счет членских взносов и квартирной платы дома ремонтируются и занимаются на все время» [Красный Курган, 1927, 1 марта].

Аналогичные процессы развития жилищной кооперации и частного строительства происходили и в других советских городах. Так, в г. Верхнеудинске (Бурят-Монгольская АССР), в отсутствие средств на строительство и ремонт зданий, в годы нэпа стимулом к улучшению жилищных условий также становилось поощрение частного жилстроительства и жилищной кооперации [Кириченко, 2018, с. 186]. Значительный рост частного строительства и ЖАКТов в годы нэпа шел в городах Нижнего Поволжья [Чолахян, 2009, с. 65].

В период, когда жилищная кооперация делала свои первые шаги, а городское коммунальное хозяйство находилось в бедственном положении, на страницах газеты «Красный Курган» разгорелась дискуссия о путях решения жилищного вопроса, а конкретно — о методах взаимодействия с частными домовладельцами. «Квартирный вопрос в городе Кургане стоит во всей своей отвратительной остроте, — писал некто А.Д. Романов, сторонник «рыночного» взаимодействия с частником. — В это же время квартиры частных домовладельцев стоят пустые... такса комхоза их не удовлетворяет... они не оправдывают арендной платой даже самых незначительных ремонтов. Сдавать же квартиры в аренду выше таксы комхоза, значит, рисковать попасть под суд, и уже очень многие извелили строгость пролетарского суда... Необходимо заинтересовать домохозяев сдачей имеющихся квартир в аренду... таксу на квартиры частных домохозяев повысить до более приемлемого уровня» [Красный Курган, 1925, 15 октября]. Вскоре последовала ответная публикация некоего инвалида, обличающего домовладельцев, устанавливающих на квартиры «бешеные цены». По словам автора заметки, «хозяева не считаются с постановлением Окрисполкома и не думают ни о каких наказаниях... Надо срочно... установить ограниченную плату за квартиру... в домах частновладельцев» [Красный Курган, 1925, 24 октября]. Однако в середине 1920-х гг., в разгар нэпа, возможность сдавать жилплощадь по свободным ценам вопреки обязательному постановлению Окрисполкома о квартирной плате в городе у граждан сохранялась. По мнению современников, «трудящиеся зачастую не хотят использовать своих законных прав. Не желая портить “добрососедских” отношений с квартирохозяином, они на него не жалуются» [Красный Курган, 1925, 19 ноября]. Более того, наряду с «частниками» сдавать жилье по высоким ценам стали и обитатели коммунальных домов. Летом 1927 г. арендатор коммунальной квартиры, уплачивая за нее горкомхозу 4 руб., сдавал одну из комнат приезжим гражданам по 34 руб. [Красный Курган, 1927, 26 июля]. Указанные факты свидетельствуют о возрождении в городе Кургане, как и в целом по стране в годы нэпа, практики частного найма жилья [Лебина, 2015, с. 97], а дефицит квартир порождал дороговизну найма.

Острота жилищного кризиса обуславливала высокие цены и на покупку жилья. Сохранившиеся воспоминания курганского краеведа И.А. Ленского-Зыкова описывают факт покупки вскладчину в 1928 г. двухэтажного крестового дома с надворными постройками за 1 600 руб. по адресу Куйбышева, 84. Чтобы купить дом в центре, И.А. Ленский-Зыков объединил имеющиеся накопления со средствами матери и сестры своей супруги, которые появились у последних в результате продажи добротной усадьбы в центре ближайшего пригорода – деревне Рябковой. Второй этаж дома занял сам Иван Афанасьевич с женой и четырьмя детьми, а на первом поселились мать, сестра и две племянницы его супруги (в общей сложности 10 человек) [КОКМ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 166]. Возвращаясь к стоимости дома в 1 600 руб., отметим для сравнения, что в 1928 г. оклады рабочих электростанции составляли 32 руб., которых едва хватало на пропитание [ГАСПИКО, ф. 7, оп. 1, д. 1020, л. 183].

В 1927–1928 гг. в Кургане впервые со времени установления советской власти горкомхозом были построены четыре кирпичных двухэтажных коммунальных дома на 8 квартир, рассчитанные на четыре 3-комнатные и четыре 2-комнатные квартиры, оборудованные русской печью с плитой, люфт-клозетом и раздевальной [Тершукова, 2020, с. 27]. Низкие темпы коммунального строительства не могли смягчить остроты жилищного кризиса. На начало 1927 г. Курган с населением 28 076 чел. насчитывал 2 836 частных (129 710 кв. м) и 439 коммунальных (52 789 кв. м) жилых домов, на каждого жителя приходилось 6,5 кв. м жилой площади при санитарной норме 9 кв. м [Красный Курган, 1927, 1 марта]. Ситуацию усугубляло небрежное и даже «хищническое» отношение самих жильцов, что побудило окрисполком к изданию обязательного постановления, предусматривавшего особую ответственность за таковое [ГАСПИКО, ф. 10, оп. 1, д. 364, л. 12–12об.].

С 1 июля 1928 г., согласно постановлению горсовета, принятому на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14.05.1928 г. «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» [Постановление, 1928], в Кургане устанавливаются новые ставки квартирной платы. Квартиры были разбиты по признакам удобств на пять категорий, предусматривающих скидку от основного тарифа (44 коп. за кв. м) от 3 до 50%, жильцы также подразделялись на категории в зависимости от заработка и числа иждивенцев [Красный Курган, 1928, 5 июля]. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» допускалось понижение квартирной платы (но не ниже 30 коп. за кв. м) в городах с населением менее 40 тыс. человек [Постановление, 1928], однако курганские власти эту возможность не использовали.

Налог со строений в Кургане и прилегающих к нему поселках, установленный Курганским окрисполкомом в 1926 г., также предусматривал скидки для некоторых категорий граждан, но только при условии, что «льготники» не сдают свои помещения в аренду [Красный Курган, 1926, 30 января].

В 1930 г., по данным исследователей, в Кургане насчитывалось 3 173 частных и 500 коммунальных жилых домов [Тершукова, 2014, с. 130]. Однако рост городского населения намного опережал темпы жилищного строительства этого времени. Согласно

подсчетам Е.В. Тершуковой, за период 1927–1930 гг. число домов в Кургане увеличилось на 12%, а население города выросло на 152% [Тершукова, 2020, с. 13]. В 1928 г. Курган насчитывал 31 455 жителей, в 1929 г. – 35 608 [ГАКО, ф. Р-712, оп. 1, д. 524, л. 1–1об.]. На 1 января 1935 г. население города составляло 42 900 человек [ОГАЧО, ф. Р-485, оп. 3, д. 63, л. 2], увеличившись к 1939 г. до 53 253 чел. [Всесоюзная перепись, 1939].

В связи с этим размер средней жилой площади на одного курганца продолжал снижаться, составив, по официальным данным, 4,7 кв. м в 1934 г. [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 155, л. 8], М.С. Жулева пишет о ее сокращении до 2,5 кв. м в 1927–1940 гг. [Жулева, 2004, с. 92]. Основными причинами растущего жилищного кризиса в Кургане местные власти называли быстрый прирост городского населения, отсутствие необходимых средств и дефицитность строительных материалов для развития жилищного строительства [ГАКО, ф. Р-712, оп. 1, д. 524, л. 25]. В первой половине 1930-х гг. к вышеизложенному прибавилась необходимость использования жилых помещений под учебные и другие учреждения [ГАКО, ф. Р-465, оп. 1, д. 155, л. 8]. В ситуации нехватки жилой площади находились и жители индустриального Сталинграда, где тем не менее наблюдался самый высокий прирост жилого фонда среди всех городов Нижнего Поволжья (В.А. Чолахян приводит данные об увеличении жилой площади за годы первой пятилетки на 33% при росте городского населения на 180%) [Чолахян, 2009, с. 67].

В начале 1935 г. жилой фонд города Кургана составлял 139 908 кв. м, из которых 79 150 кв. м приходилось на частный сектор [ОГАЧО, ф. 804, оп. 11, д. 30, л. 14]. При численности городского населения 42 900 чел. [ОГАЧО, ф. Р-485, оп. 3, д. 63, л. 2] средняя жилая площадь на одного человека в это время составляла 3,26 кв. м. В 1938 г. средняя площадь на одного курганца в общественном жилфонде составляла 5,1 кв. м, в 1939 и 1940 гг. – 4,7 кв. м [ОГАЧО, ф. Р-485, оп. 3, д. 61, л. 11, 15]. Для сравнения, в Москве в 1930 г. средняя норма жилой площади составляла 5,5 кв. м на человека, снизившись до 4 кв. м к 1940 г., в Магнитогорске и Иркутске – 4 кв. м, в Красноярске в 1933 г. – 3,4 кв. м [Фицпатрик, 2008, с. 58–59].

Не располагая данными о среднелюдской жилплощади в частном секторе города Кургана, отметим, что количество домов здесь выросло с 2 836 в 1927 г. [Красный Курган, 1927, 1 марта] до 3 910 домов в 1941 г. [ОГАЧО, ф. Р-485, оп. 19, д. 8, л. 2], однако жилая площадь в них уменьшилась соответственно с 129 710 кв. м [Красный Курган, 1927, 1 марта] до 86 682 кв. м; свыше 90% частной застройки составляли деревянные рубленные дома [ОГАЧО, ф. Р-485, оп. 19, д. 8, л. 63–63об.]. В 1930 г. площадь коммунального жилья в Кургане составляла 50,4 тыс. кв. м, то есть в два с половиной раза меньше общей площади частных жилых домов – 125,3 тыс. кв. м [Тершукова, 2020, с. 13].

Приводимые данные в цифрах иллюстрируют состояние жилого фонда г. Кургана, степень остроты квартирного кризиса и хозяйственно-административные меры, предпринимаемые для его разрешения. Далее обратимся к характеристике бытовых условий проживания горожан, описанных в архивных и опубликованных воспоминаниях, устных источниках, а также в материалах периодической печати межвоенных лет. Интересна газетная публикация 1928 г. о санитарном состоянии 136 квартир сотрудников уголовного розыска. Осмотр квартир, проведенный одним

из курганских врачей, показал, что «89 квартир можно с большой натяжкой признать годными, принимая во внимание квартирный кризис. 49 квартир совершенно непригодны: одни из них сырые, холодные, другие полуразрушенные и требуют капитального ремонта» [Красный Курган, 1928, 15 декабря]. Возвращаясь к цифрам, отметим, что из этих 136 квартир только в двух была отчасти соблюдена норма жилой площади — больше 8 кв. м на человека, в 50 квартирах площадь на человека составила 5–6 кв. м, еще в 50 — 3–4 кв. м, и 40 квартир имели площадь 2 кв. м на 1 чел. Кроме того, врач подсчитала, что в 75% квартир имеются клопы и тараканы, 67% жилищ содержатся без уборки. Итогом публикации стали санитарные рекомендации «сделать в каждой квартире форточку... Часто мыть пол, вытирать пыль влажной тряпкой, не оставлять в помещении мусор, помои, невытую посуду и вести упорную борьбу с насекомыми» [Красный Курган, 1928, 15 декабря].

В этом же году в газете появляются публикации в адрес граждан, располагающих большой жилплощадью. Так, внимание общественности привлек дом площадью более ста квадратных метров, арендуемый горбольницей для заведующего с женой и прислугой, в то время как «рабочие с низшим окладом и служащие ютятся в 2–4 квадратных метрах, а некоторые и в подвальных помещениях» [Красный Курган, 1928, 21 августа]. Острой критике подверглись жилищные аппетиты тещи одного из курганских ответственных работников [Красный Курган, 1928, 21 августа]. Очевидно, что местных ответственных работников и их родственников могли не коснуться практики «уплотнения» и «самоуплотнения», периодически проводившиеся советской властью с целью ослабления квартирного кризиса. В то же время нам неизвестны последствия этих публикаций, имеющих явно обличительный характер.

Тесное соседство чужих людей в условиях крайнего недостатка жилой площади порождало конфликты между жильцами коммунальных домов. Жалобы на соседей демонстрируют напряженную атмосферу совместного проживания. Е.В. Тершукова приводит в качестве примера историю трех соседей, один из которых — гражданин, занимающий проходные комнаты, — написал заявление на соседку, обвиняя ее в неряшливости и неуживчивости. В ответ на это две его соседки пожаловались на оскорбления со стороны заявителя [Тершукова, 2020, с. 19–20].

Тесноты и бытовой неустроенности не могли избежать и студенты открывавшихся в Кургане учебных заведений. По воспоминаниям краеведа М.С. Парфеновой о времени ее учебы в Курганском педагогическом техникуме в начале 1930-х гг., «мест в общежитиях не хватало. В каждой комнатке, рассчитанной на 4 человека, размещались 5–6 человек. Матрацы и подушки были из сена и соломы, простыней и пододеяльников, конечно, не было... Немногие счастливики, имея мала-мальски состоятельных родителей, жили на частных квартирах в более нормальных условиях» [ГАКО, ф. Р-2345, оп. 1, д. 6, л. 6–6об.]. Проживание в общежитии становилось испытанием не только для студентов. На заседании парторганизации Курганского машиностроительного завода отмечалось, что «общежитие [для рабочих машзавода. — К.К.] находится в антисанитарном состоянии, грязное, совершенно не оборудованное стульями, кроватями, постельными принадлежностями» [ГАСПИКО, ф. 3876, оп. 1, д. 1, л. 13].

Зауральский журналист А.С. Севастьянов посвятил значительную часть своих воспоминаний довоенному времени. В 1934 г. пятнадцатилетним юношей он приехал в Курган поступать в педагогический техникум. Первые месяцы студент пробыл у двоюродного брата, который и сам с семьей жил у родственников: «в квартире, занимавшей лишь половину небольшого дома, было тесно, спал я на палатках, уроки готовил на берегу Чигирима, под кустом... Я понимал, что стесняю... надо уходить, но места в общежитии не было», — напишет впоследствии Анатолий Севастьянов. Другой его двоюродный брат, отказавшийся принять к себе студента, имел свой дом в Ново-Северном поселке. А.С. Севастьянов вспоминает еще об одном курганском доме по улице Сибирской, где совместно проживали два поколения горожан: родители, их дочь с мужем (занимавшие отдельную комнату) и еще одна дочь-студентка [Севастьянов].

Опубликованные воспоминания курганца В.Е. Васильева свидетельствуют об условиях жизни семей, решившихся на переезд в город из сельской местности. Прибыв в Курган в 1936 г., Васильевы некоторое время жили в деревне Смолино. «Когда дали жилье, переехали из Смолино на откормочный на левый берег, — пишет В.Е. Васильев о времени своего детства. — Квартиру предоставили в бараке — комнатуха три на четыре. Я спал всегда на полу, если рано не встал, оттопчут ноги, собираясь на работу... В 1938 г. отец купил в Копаяе землянку, и семья туда переехала» [Васильев, 2018, с. 92]. Поселок Копай стихийно разрастался на северо-восточной окраине Кургана и состоял из землянок, которые люди строили в ямах для свалки городских нечистот. «Сюда шли те, кто отчаивался найти себе квартиру в черте города, — писал корреспондент местной газеты в марте 1937 г. — В поселке до трехсот «домов» и около тысячи жителей» [Красный Курган, 1937, 26 марта]. В.Е. Васильев в своих воспоминаниях подробно описывает это, по его словам, «уникальное поселение»: «строились землянки, трех- или двухстенки, крыша была земляная заподлицо с почвой или дорогой, и, если бы не дымовая труба, такое сооружение трудно заметить с дороги... Наша землянка... упиралась длинной стеной в северную сторону ямы... имела две комнаты — кухню и горницу. В южную сторону ямы упирались сарай и хлев для скота. Туалет стоял в восточной части ямы, западная сторона была открыта» [Васильев, 2018, с. 93]. В этой землянке Васильевы жили сначала шестером, а затем и в количестве восьми человек.

В подвалах и землянках на городских окраинах, по словам И.Б. Орлова, на долгое время поселялись те, кто переехал в города в период форсированной индустриализации. Историк приводит в пример рабочих сложнейшего и современного по тем временам химического завода в г. Ефремове Тульской области, в конце 1930-х гг. вынужденных жить в землянках на склоне оврага [Орлов, 2014, с. 83].

В другой ситуации оказалась семья Кошелевых, переехав в 1930-х гг. в Курган из деревни. Родители с дочерью поселились у старшего сына, который к тому времени жил со своей семьей в центре города по улице Гоголя и работал на железной дороге. Квартира железнодорожника представляла собой комнату в «ЖАКТовском доме» с общей кухней и раздельными комнатами для семей [Воспоминания. Захарова]. Еще одна семья — Кунгуровы — переехала в Курган из сельской местности в 1936 г. В двухэтажном доме № 74 по улице Пушкинской в 1930-х гг. проживало

около десяти семей, каждая из которых занимала по одной комнате: «мы занимали внизу комнату, — рассказывает Вениамин Кунгуров, — Жили мы там пять человек... И уроки здесь же готовили... Еду готовили... у нас плитка-то была, вот на этой плитке» [Воспоминания. Кунгуров]. В бывшем кухонном помещении этого двухэтажного дома после революции также поселилась семья.

Коммунальные квартиры, где в каждой комнате проживала отдельная семья, стали обычным явлением для советских городов 1930-х гг. [Фицпатрик, 2008, с. 60]. Исследователь ленинградской повседневности Н.Б. Лебина пишет о формировании в коммунальных квартирах на почве всеобщей нужды «особого социалистического конформизма» [Лебина, 2015, с. 109]. В то же время курганские коммунальные квартиры разительно отличались от ленинградских уровнем благоустройства, этажностью и планировкой. В курганских домах теплые туалеты были большой редкостью, не говоря уже о ваннных комнатах. Возможно, отсутствие общих удобств, а в некоторых случаях и общей кухни, вело к большей изолированности горожан при условии проживания в отдельных комнатах. С другой стороны, обосновавшиеся в Кургане выходцы из сельской местности зачастую оставались верны крестьянским семейным традициям, охотно принимая у себя родственников из деревень, особенно учащуюся молодежь. Можно предположить, что сельская привычка быть «на виду» у коллектива смягчала психологическую напряженность, связанную с затрудненностью уединения в городском жилье.

Подводя итоги, отметим, что жилищный голод охватил город Курган несколько позднее, чем столицы — в середине 1920-х гг. в связи с началом заметного притока сельских жителей. В условиях роста городского населения и отсутствия у государства средств на строительство и ремонт жилья власть принимает экономические меры для ослабления квартирного кризиса: в Кургане, как и в других советских городах, идет развитие индивидуального строительства, жилищной кооперации и частного найма жилплощади. В то же время государство регулировало квартплату не только по признакам удобств, но и по платежеспособности населения, а также ужесточало меры воздействия на «нетрудовой элемент».

Город Курган лишь отчасти коснулась волна форсированной индустриализации, он не стал новым индустриальным центром с массовым строительством ведомственного жилья, подобно соседнему Магнитогорску. Местный бюджет не располагал средствами на жилищное строительство, примеры возведения ведомственного жилья в Кургане также были единичными. В 1920–1930-х гг. Курган рос за счет частной застройки — деревянных рубленых домов небольшой площади.

Политика коллективизации и раскулачивания привела к тому, что в Курган двинулось значительное количество сельских жителей, беднейшая часть которых селилась в землянках на городских окраинах. Обычным явлением становится покомнатное распределение семей, когда в пределах одной комнаты жили представители двух-трех поколений одной семьи. Курганские коммунальные квартиры существенно отличались от «классических» ленинградских, как и их жильцы — выходцы из сельской местности, привыкшие быть «на виду» у коллектива.

В лучших условиях находились жители обширного частного сектора: здесь члены семьи могли занимать разные комнаты, однако практика жилищных «уплотнений» не обошла стороной и их. Теснота, отсутствие личного пространства и бытовых удобств на протяжении всего рассматриваемого периода оставались повседневными реалиями большинства советских граждан. Не стал исключением и город Курган.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Васильев В.Е. Моя советская биография // XVI Зырянские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 6–7 декабря 2018 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2018. С. 92–99.

Воспоминания. Захарова Ф.И., 1924 г.р. Записано в г. Кургане в октябре 2013 г. // Личный архив К.Ю. Кладовой.

Воспоминания. Кунгуров В.Е., 1925 г.р. Записано в г. Кургане в декабре 2013 г. // Личный архив К.Ю. Кладовой.

Всесоюзная перепись населения 1939 года // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1904 (дата обращения – 31 августа 2019 г.).

Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 69.

ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 155.

ГАКО. Ф. Р-712. Оп. 1. Д. 524.

ГАКО. Ф. Р-2345. Оп. 1. Д. 6.

Государственный архив социально-политической истории Курганской области (ГАСПИКО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1020.

ГАСПИКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 364.

ГАСПИКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 72.

ГАСПИКО. Ф. 3876. Оп. 1 Д. 1.

Декрет ВЦИК, СНК РСФСР «О праве застройки земельных участков» от 10 августа 1922 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18237#uYs0xeSCNYvTJ7D9> (дата обращения – 01 августа 2021 г.).

Жулева М.С. История повседневности жителей г. Кургана в 1929–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2004. 194 с.

Захарова Т.В. Государственная жилищная политика в Горном Алтае в 1920–1930-е гг. // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2011. № 1(13). С. 53–56.

Кириченко С.В., Иминохоев А.М. Жилищные условия горожан и благоустроенность г. Верхнеудинск // *Байкальские встречи – X: культурная память и культурная идентичность в условиях глобализации: Материалы международной научно-практической конференции 20–22 сентября 2018 г. Республика Бурятия – оз. Байкал. Улан-Удэ [Б. и.], 2018. С. 184–192.*

Козельчук Т.В., Тершукова Е.В. Документы органов ЖКХ в изучении повседневности Кургана периода нэпа (по материалам ГАКО) // VI Емельяновские чтения. Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности. Материалы всероссийской научной конференции (Курган, 26–30 апреля 2012 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. С. 233–235.

Красный Курган. 1924–1928, 1937.

Курганский областной краеведческий музей (КОКМ). Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 166.

Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение. 2015. 483 с.

Меерович М.Г. Жилищная политика в СССР как средство социального управления (1917–1941 гг.) // Социологические исследования. 2014. № 1(357). С. 95–101.

Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2008. 303 с.

Меерович М.Г. Рождение и смерть жилищной кооперации. Жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета. 2004. 274 с.

Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 804. Оп. 11. Д. 30.

ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 3. Д. 61.

ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 3. Д. 63.

ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 19. Д. 8.

Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. Дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 317 с.

Орлов И.Б. Советское жилищное хозяйство в 1920–1930-е гг.: между классовой линией и самоокупаемостью // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. Т. 8. № 2. С. 78–85.

Подкорытова Л.Г. Из воспоминаний матери // Зауральская генеалогия. URL: <http://www.kurgangen.ru/memories/Podkorytova/> (дата обращения – 15 декабря 2020 г.).

Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «Об оплате жилых помещений в городах и рабочих поселках» от 14 мая 1928 г. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2852#XFu1xeSii0ZbobnA1> (дата обращения – 01 августа 2021 г.).

Севастьянов А.С. О времени и о себе. Воспоминания // Из личного архива Н.А. Патриковой.

Тершукова Е.В. «Идя навстречу строительству и увеличению жилой площади»: инфраструктура и благоустройство города // Курган между мировыми войнами: антропологическое измерение. Под ред. Т.В. Козельчук, Д.Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. С. 9–49.

Тершукова Е.В. Несостоявшийся прорыв: городская застройка в 1920–1930-е гг. // Тобольск и вся Сибирь: альманах. Кн. 23. Курган. Тобольск: Издательский отдел Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», 2014. С. 127–130.

Тершукова Е.В. Новые улицы Кургана периода НЭПа // VIII Зырянские чтения. Материалы всероссийской научной конференции (Курган, 9–10 декабря 2010 г.) Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. С. 136–137.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Холодилин К.А. Зарождение ограничительного жилищного законодательства на территории бывшей Российской империи во время Гражданской войны // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 4. С. 858–879.

Чолахян В.А. Жилищные условия и благоустроенность городов Нижнего Поволжья в 1920–1930-х годах // Известия Саратовского университета. История. Международные отношения. 2009. Т. 9. Вып. 2. С. 64–73.

REFERENCES

Vasiliev V.E. Moja sovetskaja biografija [My Soviet biography], in XVI Zyrjanovskie chtenija: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Kurgan, 6-7 dekabrja 2018 g.) [XVI Zyryanovskiy readings: materials of the All-Russian scientific and practical conference (Kurgan, December 6–7, 2018)]. Kurgan: Kurgan State University Press, 2018. Pp. 92–99 (in Russian).

Vospominaniya. Zakharova F.I., 1924 g.r. Zapisano v g. Kurgane v oktyabre 2013 g. [Memories. Zakharova F.I., born in 1924 Recorded in Kurgan in October 2013], in Lichnyy arkhiv K.Yu. Kladovoy.

Vospominaniya. Kungurov V.Ye., 1925 g.r. Zapisano v g. Kurgane v dekabre 2013 g. [Memories. Kungurov V.E., born in 1925 Recorded in the city of Kurgan in December 2013], in Lichnyy arkhiv K.Yu. Kladovoy.

All-Union Census of the USSR of 1939, in Demoskop Weekly. Available at: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1904 (accessed 31 August 2019).

State Achieves of the Kurgan region (GAKO). F. P-158. Inv. 1. D. 69.

GAKO. F. P-465. Inv. 1. D. 155.

GAKO. F. P-712. Inv. 1. D. 524.

GAKO. F. P-2345. Inv. 1. D. 6.

State Achieves of socio-political history of the Kurgan region (GASPIKO). F. 7. Inv. 1. D. 1020.

GASPIKO. F. 10. Inv. 1. D. 364.

GASPIKO. F. 121. Inv. 1. D. 72.

GASPIKO. F. 3876. Inv. 1 D. 1.

Dekret VTSIK, SNK RSFSR "O prave zastroyki zemel'nykh uchastkov" ot 10 avgusta 1922 g. [Decree of All-Russian Central Executive Committee, the Council of People's Commissars "The Land Development Rights" of 10 August 1922]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18237#uYs0xeSCNYvTJ7D9> (accessed 01 August 2021).

Zhuleva M.S. *Istoriia povsednevnosti zhitelei g. Kurgana v 1929–1941 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk* [History of everyday life of residents of Kurgan in 1929–1941.: dissertation of candidate of historical sciences]. Kurgan, 2004. 194 p. (in Russian).

Zakharova T.V. Gosudarstvennaia zhilishchnaia politika v Gornom Altai v 1920–1930-e gg. [State housing policy in Gorny Altai in the 1920–1930s], in *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*. 2011. No. 1 (13). Pp. 53–56 (in Russian).

Kirichenko S.V., Iminokhiev A.M. Zhilishchnye usloviia gorozhan i blagoustroennost' g. Verkhneudinsk [Housing conditions and conveniences of the citizens of Verkhneudinsk], in *Baikal'skie vstrechi – X: kul'turnaia pamiat' i kul'turnaia identichnost' v usloviakh globalizatsii: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 20–22 sentiabria 2018 g. Respublika Buriatiia – oz. Baikal* [Baikal meetings – X: cultural memory and cultural identity in the context of globalization: Materials of the international scientific and practical conference of September 20–22, 2018 Republic of Buryatia – Lake Baikal]. Ulan-Ude [S.n.], 2018. Pp. 184–192 (in Russian).

Kozel'chuk T.V., Tershukova E.V. Dokumenty organov ZhKX v izuchenii povsednevnosti Kurgana perioda nêpa (po materialam GAKO) [Documents of bodies of housing and communal services in the study of the everyday life of period of New Economic Policy in Kurgan (based on State Achievements of the Kurgan region)], in *VI Emel'ianovskie chteniia. Ural i Sibir' v kontekste razvitiia rossiiskoi gosudarstvennosti. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* (Kurgan, 26–38 aprilia 2012 g.) [VI Emel'yanovskiy readings. Ural and Siberia in the context of the development of Russian statehood. Materials of the All-Russian scientific conference (Kurgan, April 26–38, 2012)]. Kurgan, Kurgan State University Press. 2012. Pp. 233–235 (in Russian).

Krasnyy Kurgan. 1924–1928, 1937.

Kurgan Regional Museum of Local Lore. F. 2. Inv. 1 D. 166.

Lebina N.B. *Sovetskaia povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilii* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to big style]. Moscow: New Literary Review Publ., 2015. 483 p. (in Russian).

Meerovich M.G. ZHilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo social'nogo upravleniya (1917–1941 gg.) [Housing policies in the USSR as social administrative means (1917–1941)], in *Sociologicheskie issledovaniya*. 2014. No. 1(357). Pp. 95–101 (in Russian).

Meerovich M.G. *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917–1937 gody)* [Punishment by housing: housing policy in the USSR as a means of managing people]. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ.; Foundation of the First President of Russia B.N. Yeltsin. 2008. 303 p. (in Russian).

Meerovich M.G. *Rozhdenie i smert' zhilishchnoy kooperatsii. ZHilishchnaya politika v SSSR. 1924–1937 gg. (social'no-kul'turnyj i social'no-organizatsionnyj aspekty)* [Birth and death of housing cooperatives. Housing policy in the USSR 1924–1937 (sociocultural and socio-institutional dimensions)]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Press. 2004. 274 p. (in Russian).

United state archive of the Chelyabinsk region (OGACHO). F. 804. Inv. 11. D. 30.

OGACHO. F. P-485. Inv. 3. D. 61.

OGACHO. F. P-485. Inv. 3. D. 63.

OGACHO. F. P-485. Inv. 19. D. 8.

Orlov I.B. *Sovetskaiia povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniia* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow: State University – Higher School of Economics Press. 2010. 317 p. (in Russian).

Orlov I.B. Sovetskoe zhilishchnoe khoziaistvo v 1920–1930-e gg.: mezhdru klassovoi linii i samookupaemost'iu [Soviet housing in the 1920–1930s: between the class line and self-financing], in *Sovremennye problemy servisa i turizma*. 2014. Vol. 8. No. 2. Pp. 78-85 (in Russian).

Podkorytova L.G. From the memoirs of mother, in *Trans-Ural genealogy*. Available at: <http://www.kurgangen.ru/memories/Podkorytova/> (accessed – 15 December 2020).

Postanovleniye VTSIK, SNK RSFSR "Ob oplate zhilykh pomeshcheniy v gorodakh i rabochikh poselkakh" ot 14 maya 1928 g. [Resolutions of the All-Russian Central Executive Committee, the Council of People's Commissars "Payment for housing in towns and working villages" of 14 May 1928]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2852#XFu1xeSiiZbobnA1> (accessed 01 August 2021).

Sevastyanov A.S. O vremeni i o sebe. Vospominaniya [About time and about oneself. Memories], in *Personal archive of N.A. Patrikeeva*.

Tershchukova E.V. "Idia navstrechu stroitel'stvu i uvelicheniiu zhiloi ploshchadi": infrastruktura i blagoustroistvo goroda ["Going towards the construction and increase of living space": infrastructure and improvement of the city], in *Kurgan mezhdru mirovymi voynami: antropologicheskoe izmerenie* [The city of Kurgan between world wars: anthropological dimension]. Kurgan: Kurgan State University Press, 2020. Pp. 9–49 (in Russian)

Tershukova E.V. Nesostoiavshiisia proryv: gorodskaiia zastroika v 1920–1930-u gg. [Failed breakthrough: urban development in the 1920-1930s.], in *Tobol'sk i vsia Sibir': al'manakh. Kn. 23. Kurgan*. Tobol'sk: Publishing Department of the Public Charity Fund "Tobolsk Restoration" Publ. 2014. Pp. 127–130 (in Russian).

Tershukova E.V. Novye ulitsy Kurgana perioda NÉPa [New streets of of period of New Economic Policy in Kurgan], in *VIII Zyrianovskie chteniia. Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Kurgan, 9–10 dekabria 2010 g.)* [VIII Fitzpatrik Sh. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naia istoriia Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city]. Moscow: Russian Political Encyclopedia Publ, 2008. 336 p. (in Russian).

Kholodilin K.A. Zarozhdenie ogranichitel'nogo zhilishchnogo zakonodatel'stva na territorii byvshej Rossijskoj imperii vo vremena Grazhdanskoj vojny [The emergence of housing regulations on the territory of former Russian empire during the Russian civil war], in *Modern History of Russia*. 2019. Vol. 9. No. 4. Pp. 858–879 (in Russian).

Cholakhian V.A. Zhilishchnye usloviia i blagoustroennost' gorodov Nizhnego Povolzh'ia v 1920–1930-kh godakh [Housing conditions and conveniences of the cities of the Lower Volga region in the 1920s and 1930s], in *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2009. Vol. 9. Iss. 2. Pp. 64–73 (in Russian).

Статья принята к публикации 18.11.2021